

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Открытость и динамичность интертекстуальных стратегий в современном культур-философском дискурсе

Комисар Людмила Петровна

Кандидат наук

*Киевский национальный лингвистический университет, кафедра философии, Киев,
Украина*

E-mail: ludmila.komisar@gmail.com

Современный культур-философский дискурс активно рассматривает пути восприятия и анализа глобального культурного пространства и ведущие стратегии, используемые для этого. Не поддается сомнению тот факт, что «посткультурный» дискурс второй половины XX – начала XXI в.в. (как и ситуацию постмодерна в целом) сложно подвести под систему анализа и исчисления, как, впрочем, и «знаменитую» ризому, с которой, как известно, философы и культурологи часто отождествляют эпоху постмодерна.

Итак, если современные культур-философские стратегии, особенно после постструктуралистской «текстуализации» культуры, – это нарративы (уже «микро», а не «гранд»), интер- и гипертексты, что следуют сквозь тотальные симулякры, иронию и эклектику – можно ли сейчас вообще говорить о ведущей? Известны ироничные высказывания по поводу современной ситуации постмодерна: «производи, только воспроизводи», «будь плагиатором самого себя», «преврати истину в лоскутное одеяло языковых игр», «используй один текст для чтения другого», «имитируй старые стили с помощью новых технологий», и – совсем радикально – «будь, как если бы» [3]... Подобные примеры можно приводить до бесконечности, и можно также с уверенностью говорить о том, что современное «виртуализированное» сознание сориентировано прежде всего на «экранную культуру», то есть линейное восприятие действительности заменяется гиперцептивным (У.Эко) [6]. Несомненно, новая культурная гиперреальность с ее информационными потоками требует особого подхода для осмысления и анализа.

На наш взгляд, идея интертекстуальности, ее динамика (от французского постструктурализма и до наших дней) есть одной из ведущих стратегий в современной философии культуры. Проследим генезис данного феномена, акцентируя внимание именно на философском (не лингвистическом) аспекте интертекстуальности.

Классический интертекст, как пространство столкновения цитаций (дискурсов), которые взаимонейтрализуют друг друга [1], возникает в постмодернизме. Теория интертекстуальности есть теоретической авторефлексией постмодернизма и его поэтическим принципом.

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» за своей точностью, однозначностью и мотивированием отвечают требованиям идеального объекта, предоставив тем самым возможность заменить такие понятия как «влияние», «источники», «реминисценции», «отталкивание», «подражание образцу» и др., которые довольно часто в предыдущих стратегиях использовались как оценочные. Ведь языковой феномен (текст) имеет высокую степень индивидуации (из-за своей высокой ценности) и продолжительное существование в фонде культуры, а, следовательно, корректнее всего анализируется в терминах структуральной и постструктуральной теории (исследование его повторений,

параллелизм, интертекстуальной открытости, интертекстуального «взрыва» смысла).

Интертекстуальность, таким образом, инициируется как со стороны исходного текста (обычно благодаря его знаковости, авторитетности, высокой художественности), так и со стороны производного текста. К тому же, «любой текст – это царство смыслов, что возникают на пересечении автора и читателя и постоянно трансформируются» [4, 34].

Невозможно оставить без внимания и семиотический аспект данной проблемы: семиотика интертекста не сводится лишь к «герменевтике» текста (то есть схватыванию и внутреннему воспроизведению его смысла), с которой, тем не менее, она состоит в отношениях взаимодополнения. Интертекстуальный анализ (в его семиотическом аспекте) путем интеллектуальной реконструкции (и дистанцированного слова) соединяет текст с культурой как интерпретативным, объяснительным и логизирующим механизмом. Причем системные связи кодов культуры есть наиболее функциональными для объяснения природы интертекстуальности. Исходя из того, что «интертекстуальное знание есть частью языка и энциклопедии» [5, 205], а любое культурное пространство всегда интертекстуально, интертекстуальность поддается анализу как «интерекстуальный семиозис» (термин Ч.Пирса) и есть обязательной составляющей семиотики культуры [5]. Тем не менее, когда речь идет об интертекстуальности, анализ семиотического переплетения текстов должен быть дополнен рассмотрением социокультурных характеристик (таких, например, как национально-культурная специфика языкового общения), свойственных конкретному лингвокультурному сообществу.

Особый акцент сделаем на том, что теория интертекстуальности в целом способствует обновлению нашего понимания развития культуры. То есть интертекстуальный подход помогает расширить горизонт представления об активной актуальности на всю культуру в целом (а не только на непосредственных предшественников анализированного в конкретной ситуации культурного явления). Современные исследователи интертекстуальных стратегий аргументируют идею о том, что интертекстуальность нельзя сводить лишь к проблеме «истоков и влияний». Мы полностью поддерживаем эту позицию. Собственно, в постструктуралистской системе отсчета корректно говорить не о смысловом обмене текста с культурной средой, а о конституировании смысла в процессе его (текста) движения в культурной среде – сквозь тексты, каждый из которых выступает как конкретная семантическая конфигурация множества смысловых потоков, но ни один не может рассматриваться как источник другого, потому что ни один из них не существует вне этой тотальной интертекстуальной игры, за пределами которой нет и не может быть текста как такового.

Таким образом, проблемность и дискуссионность, обязательно возникающее при попытке анализа идеи интертекстуальности, выводят нас в бесконечное социокультурное пространство, требуя глубокого исследования. Ведь современное сознание определяет культуру (сейчас – «пост-» или «витрокультуру») как знаково-символическую систему, которая выполняет функцию отбора и структурирования опыта. Соответственно, разные культуры по-разному выполняют такой отбор и структурирование (если это вообще возможно в современной культурной ситуации), а интертекстуальность – это один из ведущих способов, которым определенный текст (ведь в культуре все можно прочитать как текст!) прочитывает историю и культуру и «вписывается» в нее. Итак, формулирование современной целостной концепции философии культуры невозможно сегодня без

исследования и применения интертекстуальных стратегий, вместе с их открытостью, динамичностью и амбивалентностью.

Можно сделать вывод, что интертекстуальные процессы продолжают активно распространяться в современном «сетевом» культур-философском дискурсе. Как не поддается рациональному и упорядоченному анализу современное «информационное» культурное пространство (Э.Тоффлер), эта «посткультура-симулякр с пустотой под оболочкой» [2, 75] в глобализированном «обществе риска» (У.Бек) (или «пустыне реального», по С.Жижеку), так и динамичность интертекстуальных стратегий есть в некоторой степени непредсказуемой. Оставим пока этот вопрос открытым, как открыты и переменчивы современные стратегии в философии культуры.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 615с.
2. Бычков В. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. 2000. 2. С. 63–76.
3. Гречко П. Постмодернизм: симптом упадка или веление времени? // Вестник РУДН, серия "Философия"1999. 1.
4. Кристева Ю. Текст и наука о тексте // Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. С. 33–53.
5. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005. 502 с.
6. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bellabs.ru/Books/Art/Art-01.html#01-1>.